

Ольминский Михаил Степанович

**По литературным
вопросам**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Степанович О.**
По литературным вопросам / Ольминский Михаил Степанович – М.: Книга
по Требованию, 2025. – 148 с.

ISBN 978-5-521-26323-3

ISBN 978-5-521-26323-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА НА БОЛЬШЕВИСТСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПОСТУ ¹

Имя Михаила Степановича Ольминского хорошо известно всем, кто сколько-нибудь знаком с историей ВКП(б), и оно пользуется заслуженным уважением в связи, главным образом, с представлением о т. Ольминском как о большевистском литераторе с вечно воинствующим марксистским пером. Свое литературное призвание М. С. нашел не сразу, даже в зрелые годы своей жизни. Порывы литературного творчества были ведомы будущему «Галерке» еще во время его ранней юности, но вечное сомнение в том, хватит ли у него литературного таланта для того, чтобы стать литератором, парализовывало его творческую волю и не располагало к писательству. Однако подлинный талант рано или поздно должен был прорваться через все колебания, которые так долго мешали ему преодолеть излишнюю скромность.

В своем очерке «Как я стал литератором» М. С. не без юмора рассказывает, как он постепенно, путем тщательного изучения кропотливой манеры литературного творчества крупнейших художников слова (Пушкина, Лермонтова и др.) завоевывал себе убеждение, что и он сможет в конце концов выработать в себе необходимые навыки заправского литератора, если как следует поработать в этом направлении над собой. Первые пробы его литературного пера имели место во время его олекминской ссылки, когда он облюбовал себе арену своих маленьких литературных успехов «Водосточные обозрения» (т. е. иркутскую газету «Восточное обозрение», переименованную в «Водосточное» олекминскими насмешниками, товарищами М. С. по ссылке). Но по-настоящему он вступил на литературный путь только по приезде за границу в 1904 году, где он самоопределился как большевик и не без успеха пустил в ход свой талант политического памфлетиста в полемической борьбе с меньшевиками.

¹ Настоящий очерк, впервые напечатанный в юбилейном № 5 (100) журнала «Пролетарская революция», перепечатывается здесь с некоторыми исправлениями, устраняющими выяснившиеся неточности первоначального текста.

Но прежде чем говорить об этом, скажем несколько слов об особенностях литературной физиономии М. С. Ольминского.

С чисто внешней стороны стиль его литературных произведений импонирует правильностью и простотой языка, отсутствием лишних слов и трескучих фраз. Он терпеть не может литературной «воды». Свой вкус в этом отношении он очень живо и остроумно поясняет на примере маленькой газетной фразы: «Явившаяся на место происшествия местная полиция арестовала восемь человек демонстрантов». Просеивая ненужные слова, он укладывает смысл фразы в сочетание из двух слов: «Арестовано восемь». Все остальное—от лукавого. И он остается верен этому правилу во всех своих произведениях. Такого рода литературный ригоризм и привычка в экономии слов не только не делают его речь скучной, неаппетитной, как выжатый лимон, а как раз наоборот, придают ей характер отчеканенности и законченности. Повидимому, он никогда не забывает мудрого правила, подсказанного одним из его любимых поэтов: «Чтоб словам было тесно, мыслям просторно».

По построению мыслей его литературное письмо отличается двумя ярко бросающимися в глаза свойствами: во-первых, парадоксальностью, отсутствием трафаретности и неожиданностью приемов в постановке вопросов, а во-вторых, задорным юмором, имеющим тенденцию то-и-дело переходить в едкий сарказм. Вот пример, поясняющий сказанное.

Между меньшевиками и большевиками в 1904 году разгорается спор по вопросу о рамках демократизма, в которые можно было бы уложить организационное строительство партии. Меньшевики берут под свое покровительство идею построения партии на демократических началах, а Ленин еще в борьбе с рабочедельцами определенно стал на ту точку зрения, что все эти разговоры о демократизации партии в условиях ее конспиративной, подпольной работы представляют пустую и вредную болтовню. М. С. Ольминский (Галерка) в своей полемической брошюре против «старейших и лучших» из лагеря меньшевиков разоблачает приверженность Мартова, Аксельрода и К^о не к принципам демократии, а их антидемократичность, абсолютизм, склонность к олигархии, и попадает не в бровь, а прямо в глаз, так как за показным «демократизмом» меньшевистской верхушки действительно выглядывало довольно-таки свирепое лицо партийного держиморды, наступавшего сапогом на грудь партии.

И таких примеров можно привести сколько угодно.

Но да не подумает читатель, что у М. С. Ольминского, при его склонности к новизне и оригинальности в постановке интересующих его вопросов, неожиданные зигзаги его мысли обусловливаются отсутствием определенного, нерасплывчатого мировоззрения и того монизма во взглядах, который обычно предподре-

деляет полную закономерность в теоретических построениях писателя. Как раз наоборот: именно во всех литературных произведениях т. Ольминского всегда выпукло выступает определенно очерченная личность мыслителя, выковавшего раз навсегда свою общественно-политическую мысль из очень прочного металла, не поддающегося никакой деформации. Свои старые психические навыки народолюбца, который с юных лет возненавидел гнет и эксплуатацию огромного большинства трудящихся кучкою насильников, вспоенных и вскормленных режимом царской полиции, навыки человека, который с детства отдал все свои симпатии тем, «чьи работают грубые руки, предоставив почтительно нам погружаться в искусства, науки»,—эти свои психические навыки он сочетал с марксистской теорией, материалистически объясняющей картину исторически сложившихся общественных отношений.

Упомянем еще об одной особенности М. С. Ольминского как литератора—именно о многосторонности общественно-политических мотивов его литературных произведений. Он и мемуарист незаурядный, и тонкий психолог (с каким, например, интересом читается, как много дает его повествование «Три года в одиночной тюрьме!»), он и ученый историк, всегда настаивающий на точных цифрах и фактах, он и памфлетист, забрасывающий своих политических противников градом язвительных насмешек (Галерка), он и литературный критик, иногда любовно ретуширующий образ любимого писателя, который дал ему много эстетических наслаждений и издавна заронил в его душу зерна любви к обездоленным (Некрасов) или который научил его зло смеяться над человеческой пошлостью, над тупоумием российского бюрократа, над молчалинской угодливостью (Щедрин), а в случае встречи его критической мысли с объектом враждебной ему идеологии или чуждых ему настроений,—беспощадным анализом выясняющий со своей марксистской точки зрения классовую природу данного литературного феномена (например, «Три сестры» Чехова и др.). Но при всем этом многообразии вы всегда из-за вдумчивых, правильно построенных, а иногда и весело смеющихся строчек видите одно и то же лицо с ярко выраженными индивидуальными чертами убежденнейшего революционера-марксиста, строгого и к себе и к другим, принципиальнейшего врага всякого рода увильваний от прямых ответов на проклятые вопросы, подчас грубоватого и недостаточно эластичного полемиста, умеющего и любить и ненавидеть.

М. С. Ольминский как писатель принадлежит, конечно, всей той обширной грамотной аудитории, которая умеет ценить талантливое перо умного и честного публициста или критика. Но прежде всего на него может претендовать наша партия, которой он отдавал свой литературный талант на протяжении

двух с половиной десятков лет. Его появление на литературном поприще в качестве партийного литератора следует отнести к 1904 году, когда на фоне фракционной борьбы между большевиками и меньшевиками в рамках женевского эмигрантского мирка вдруг, совершенно неожиданно для новоискровцев, вырисовалась фигура политического памфлетиста Галерки. Пишущему эти строки уже пришлось однажды характеризовать роль и значение памфлетов Галерки¹. Не повторяя всего того, что уже было мною сказано раньше на этот счет, отмечу только то обстоятельство, что Галерка был застрельщиком женевской большевистской «шпаны», которую новоискровцы с высоты своего величия третировали как сброд, не имеющий даже права претендовать на их, новоискровское, внимание. Склонный характер затеянной меньшевиками внутрипартийной борьбы вынуждал женевских большевиков к особому рода полемике против торжествующего новоискровства, ибо вслед за серьезным марксистским анализом этой борьбы, сделанным в брошюре Ленина «Шаг вперед—два шага назад», дальнейшие битвы с героями кооптационных дразг и меньшевистского злопыхательства могли и должны были вылиться у большевиков в форму насмешки, карикатуры, сатиры.

Но Галерка не просто высмеивает своих противников. Он своими шуточными и—на первый взгляд—карикатурными набросками на самом деле в очень популярной форме оповещает широкие круги партии о перипетиях фракционной борьбы, о меньшевистских махинациях, о существе спорных вопросов, а это по тогдашнему времени было немаловажное дело, если принять во внимание растерянность и состояние неразберихи на местах, являвшиеся следствием монопольного распоряжения меньшевиками новой «Искрой» и вообще партийной прессой. Вот, например, образчик галеркинской истории раскола партии после II съезда²:

«Пришла осень. У почтенного родоначальника русской социал-демократии заняли застарелые ревматизмы,—он ослабел; а ослабевши, призадумался, как бы устроиться поспокойнее, да и переметнулся в неприятельский лагерь. (Намек на паникерское состояние Плеханова после съезда Заграничной лиги и на сдачу меньшевикам «Искры» ценою ухода Ленина из редакции ЦО.—П. Л.) Но и туда посыпались «бомбы», начиненные сплетней и клеветой. (Намек на борьбу новой «Искры», а также меньшевистского большинства в Совете пяти против большевистского ЦК.—П. Л.) Однако ЦК держался крепче Порт-Артура. Аристократия начинала изнемогать, как вдруг получилось секретное известие из неприятельского форта: «Вы неправы, когда палите без разбору

¹ См. книгу П. Лепешинского «На повороте», гл. IX.

² Галерка, Долой бонапартизм!

в крепость. Мы хотим объединиться с вами, а бунтовщики мешают, они засели в левой стороне форта. Палите туда, а уж мы улучим минуту открыть ворота». (Намек на предательские сношения примиренца Носкова с редакцией «Искры»; это предательство повело в конце концов к уходу Ленина и из ЦК.—П. Л.) Новый главнокомандующий даже взвизгнул от радости и чуть не выболтал тайны». (Здесь Галерка имеет в виду открытое письмо Плеханова Центральному комитету в № 66 «Искры». В этом письме Плеханов усердно провоцирует своих намечающихся союзников в примиренческом ЦК поскорее изменить Ленину и переметнуться в лагерь меньшевиков.—П. Л.)

В столь же насмешливом стиле Галерка наводит прожектор своей критики на целый ряд вопросов, поднятых меньшевиками в поисках за аргументами против Ленина и ленинизма. По вопросу о демократии Галерка не без остроумия доказывает, что признание меньшевиками принципа демократизма на словах стоит в резком противоречии с их олигархической практикой. Воплям меньшевиков о якобы диктаторских замашках Ленина, о его якобы стремлении захватить в свои руки власть в партии Галерка противопоставляет целый ряд встречных обвинений по адресу новоискровцев в их пренебрежительном отношении к большинству партии, к практикам, работающим на местах, к рядовым членам партии. По вопросу о партийной дисциплине, во имя которой новоискровцы требовали от Ленина и окружающих его большевиков полной капитуляции, Галерка обрушивается на Мартова и Плеханова за их одностороннее понимание этой дисциплины, то есть признание ими обязательности таковой для рядовых партийцев по отношению к центрам, но в то же время свободы от дисциплины центров по отношению к партии в целом и ее съездам. В связи с запретом со стороны большинства Совета опубликовывать постановления Совета Галерка очень остроумно сопоставляет два понятия—тайны в интересах конспирации (за что стоял бы и Ленин) и тайны канцелярской, практикуемой меньшевиками в подражание царскому чиновничеству, перед которым стоял призрак ст. 107 Цензурного устава¹.

Приведенных примеров будет достаточно, чтобы дать понятие читателю о содержании и манере письма в литературных выступлениях Галерки. В свое время эти выступления сыграли свою положительную роль, и сейчас всякий историк ВКП(б), касающийся истории раскола партии после II съезда, не мог бы пройти мимо «галеркинской литературы», как одного из существенных для того времени факторов разоблачения меньшевистского оппортунизма перед лицом партийной массы.

¹ Галерка, «На новый путь»

Когда же большевики отказались от всяких иллюзий насчет сохранения хотя бы формального единства расколотой меньшевистской партии и решили резко отмежеваться от своих соседей справа, для чего обзавелись своим политическим центром (Бюро комитетов большинства) и собственным печатным органом («Вперед»), М. С. Ольминский вошел в редакцию газеты и полностью погрузился в эту очень важную для партии работу. Взявшись за дело в газете «Вперед» (а потом с мая 1905 года в ЦО партии—«Пролетарий»), в высшей степени скромный большевистский сатирик даже и не задумывался над вопросом о своем официальном положении в составе редакции. «Недавно,—замечает он в своем наброске «Как я стал литератором»,—г. Лядов в статье о третьем партийном съезде писал, будто в состав редакции входили Ленин, Воровский, Луначарский и Ольминский. Для меня это была новость. Работая в этих газетах («Вперед» и «Пролетарий».—П. Л.), я ни разу не подумал о том, кто в ней редактор, и кто не редактор. И меньше всего предполагал, что в числе редакторов состоит Ольминский: ведь редактором может быть только литератор, а не какая-нибудь партийная галерка!»

М. С., принимающийся за ответственное дело редакции ЦО большевиков, еще не верит в то, что он имеет право на признание за ним права на звание литератора и даже редактора. А между тем он уж налагает на статьи в газете печать своей ярко-талантливой литературной индивидуальности. Подготавливая, например, к печати письма и корреспонденции, присылаемые из России, он безжалостно вычеркивает все излишнее, все, что в них является балластом. Недаром П. А. Красиков в шутку стал распространять про него «клеветнический слух», будто после его правки «остается только точка в конце статьи—и больше ничего». Насколько близко было сотрудничество между редакторами «Вперед» и «Пролетария», видно хотя бы из того факта, что не раз статья, начатая и доведенная до половины Ольминским или Воровским, дописывалась Лениным и, наоборот, та или иная статья Ленина заканчивалась Ольминским.

Приехав осенью 1905 года в Питер, т. Ольминский окунается с головой в литературную работу. Он сотрудничает в большевистских газетах («Новая жизнь», «Волна» и др.), пишет ряд журнальных статей (главным образом в «Вестнике жизни»), издает интересную работу о «свободе печати» и т. д. и т. д. Редакция в 1907 году в значительной мере обрывает эту кипучую работу.

В годы подъема после столыпинской реакции, в так называемую «эпоху «Звезды» и «Правды», М. С. Ольминский снова становится одной из центральных фигур, взявших на себя задачу воссоздать партийную рабочую прессу в условиях пробуждения

русского пролетариата. Здесь нет надобности давать характеристику этой полосы рабочего движения, и интересующегося данным вопросом читателя достаточно будет отослать к мастерскому очерку этой эпохи в книге М. С. Ольминского «Из эпохи «Звезды» и «Правды» (вып. 1-й)¹. Мы только отметим здесь факт самого живого участия т. Ольминского в партийной прессе этого периода (главным образом в газете «Правда» с разными вариациями ее заголовка: «Рабочая правда», «Северная правда», «Правда труда», «За правду» и т. д.). Перечисляя сотрудников «Правды», т. Крестинский в своих воспоминаниях с особым уважением ставит имя т. Ольминского: «Следующий,—пишет он, упоминая о таких основателях газеты, как Н. Г. Полетаев, Сталин и Я. М. Свердлов,—т. Ольминский, он же А. Витимский, он же Михаил Степанович Александров... Тогда он в еженедельных статьях отзывался на революционную злобу дня, и его яркие, определенные, в то же время душевные статьи были любимыми статьями читателя-рабочего»². Другой товарищ, посвящающий свои воспоминания тому же периоду (М. Савельев), свидетельствует, что «к категории постоянных сотрудников, в мое время организационно с журналом связанных, относится М. С. Ольминский, оказывавший большую помощь в редактировании и оценке материала»³. Некоторые статьи М. С. Ольминского пользовались одобрением и Владимира Ильича. Так, например, по поводу статьи М. С. «Культурные люди и нечистая совесть» В. И. в одном из своих писем пишет: «Пользуюсь случаем, чтобы поздравить т. Витимского (то есть М. С. Ольминского.—П. Л.) Надеюсь вас не затруднит передать это письмо (вероятно, автор хотел сказать поздравление—П. Л.) с замечательно удачной статьей, полученной мною сегодня в «Правде» (№ 98). Чрезвычайно кстати взята тема и разработана в краткой, но ясной форме превосходно. Хорошо бы вообще от времени до времени вспоминать, цитировать и растолковывать в «Правде» Щедрина и других писателей «старой» народнической демократии. Для читателей «Правды»—для 25 000—это было бы уместно, интересно, да и получилось бы освещение теперешних вопросов рабочей демократии с иной стороны, иным голосом»⁴. Здесь В. И. чрезвычайно метко схватывает то обстоятельство, что апология «старой» народнической демократии (в частности и в особенности произведений Щедрина) из-под пера М. С. Ольминского должна была выходить особенно талантливо, особен-

¹ Этот очерк был выпущен в свет Институтом Ленина вторым изданием, дополненным отдельными статьями М. С. Ольминского 1911—1914 гг. (Гиз, 1929).

² «Из эпохи «Звезды» и «Правды», вып. 3, стр. 21.

³ Там же, стр. 48.

⁴ «Из эпохи «Звезды» и «Правды», вып. 3, стр. 193 и 194.

но задумывал и в самый раз для рабочей аудитории. Впоследствии более обстоятельный очерк о Салтыкове-Щедрине Ольминский дал в журнале «Просвещение» (в № 5 за 1914 г.); этот очерк тоже принадлежит к числу удачей его произведений.

Империалистическая война прервала бурное развитие революции в России, обещавшее не только повторение картины 1905 года, но и расширение задач первой революции. Война врезалась клином между июльскими баррикадными боями 1914 года и событиями 1917 года. Но революционная мысль большевиков и во время мировой катастрофы не поддавалась стихии шовинистического угара, не потеряла своей инерции движения в сторону конечных целей пролетарской борьбы, не утратила своей традиционной непримиримости по отношению к классовым врагам пролетариата, которые в обстановке войны стали еще отвратительнее, еще гадче и подлее, чем прежде. М. С. Ольминский—слишком хороший большевик, чтобы представить исключение в этом отношении. Рабочая революционная печать (в лице «Правды») под давлением обстоятельств сошла со сцены, но неугомонная большевистская мысль все время искала случаев так или иначе прорваться наружу сквозь толщу полицейских препятствий. В Саратове в 1915 году съехалось несколько большевиков (М. С. Ольминский, В. Н. Ногин, В. П. Милютин и др.). Сейчас же в этом новом гнезде большевизма затевается устная пропаганда (главным образом в просветительном обществе «Маяк») и печатная—через газетку «Наша газета» и через выпущенный саратовцами сборник «Под старым знаменем». Одним из главнейших застрельщиков в этом деле был М. С. Ольминский¹.

Легко себе представить, как трудно было проходить верблюдю большевистской печатной пропаганды через игольное ушко свирепствовавшей во время войны цензуры. Пишет, например, Ольминский газетную статью «Об ответственности», примерно в сотню строк. Но от «зарезанной» (по выражению самого автора) статьи остаются только три строчки... Ясное дело, что при таких условиях откровенно не разговоришься. И все же, как ни душила цензура большевистскую печать, Ольминскому удается сказать достаточно много, чтобы устранить всякие недоразумения относительно характера его политических взглядов на события 1914—1916 гг. Правда, ему приходится в своих литературных выступлениях по большей части пускаться в ход манеру бесстрастного летописца, своего рода Нестора, который отображает в зеркале своей летописи текущую действительность, воздерживаясь

¹ Впоследствии, в 1916 году, после раскиссирования саратовской группы большевиков, в Москве кристаллизуется новая литературная группа при ближайшем участии М. С. Ольминского, вступающая в сношение с бюро ЦК. Группа редактирует журнальчик «Голос печатного труда» и издает сборник «Прилив».

от слишком откровенной критики окружающего мракобесия. Но подбор фактов, документов, цитат из звериной буржуазной или социал-предательской прессы делается так умело, что получается действительно букет с очень определенными запахами. Недаром Владимир Ильич, прочитывая в сборнике «Под старым знаменем» статью М. С. Ольминского «Первые итоги», то-и-дело выражает свое чувство удовлетворения по поводу удачных мыслей и экскурсов автора статьи в область фактов и документов, выражающих общественное мнение всякого рода «патриотов», не исключая и социал-шовинистов. На полях пестрят его пометки: «Хорошо сказано», «Верно», «Очень хорошо» и т. д.

Интересно отметить, что едва сдерживаемые молнии гнева т. Ольминского в первую очередь обрушиваются на голову представителей либеральной буржуазии и социал-предательской прессы, ибо реакционность правых, откровенных черносотенцев, более очевидна, чем вся эта контрреволюционность либеральной сволочи. М. С. Ольминский не без злорадства, например, торопится отметить тот факт, что правый депутат Думы Левашев счел нужным сказать: «У нас нет никакого основания требовать, чтобы весь немецкий народ был истреблен и сметен с лица земли». При этом Левашев, — ехидно замечает автор статьи, — разошелся во мнениях с некоторой частью нашей либеральной печати и с «Речью», которая протестовала против мысли, что «в конце концов придется сожительствовать, худо ли, хорошо ли, и с немцами». В другом месте М. С. Ольминский дает такой волчий паспорт либеральной буржуазии и поддерживающей ее интеллигенции: «Либеральная буржуазия и воинствующая русская интеллигенция в полной мере наряду с царским черносотенным правительством должны нести моральную ответственность за бесконечное затягивание войны, за все жертвы этой бойни, за все то горе и разорение, которое принесла эта война русскому народу»¹.

Хлестко и ожесточенно подвергает он бичам и скорпионам и предательскую роль социал-шовинистов (Плехапова, Алексинского, Бунакова, Дейча и К⁰). Достаточно, например, пробежать глазами его статью «Самозванные прокуроры», чтобы не оставалось никаких сомнений насчет «нежных чувств», которые питает старый неугомонный Галерка по отношению к бывшим попутчикам революционной социал-демократии, опустившимся в период войны на самое дно безудержного ура-патриотизма. Даже не в пример царским министрам (Шаховскому и Щербакову), выразившим, между прочим, мысль об излишних арестах рабочих, Плеханов и его друзья склонны кричать об «измене по отношению к народу» социал-демократической фракции, голосовавшей против кредитов на войну. По мнению этих патриотов, всякое «вспышkopускательство» «по свое-

¹ В статье «Планы русских либералов».

му значению равнялось бы измене». Такого рода позиция Плеханова и его последователей дает повод Ольминскому провести знак равенства между представителями охранного отделения и стоящими на страже интересов преступной империалистической буржуазии социал-предателями.

На все злобы дня, связанные с войною, М. С. Ольминский чрезвычайно живо и вполне по-большевистски тотчас же откликается. По вопросу ли о дороговизне как необходимом следствии войны, затеянной жадными по части аннексий империалистами, по вопросу ли о промышленных комитетах как об орудии в руках буржуазии по части выгодного ей распределения казенных заказов на военные надобности, по вопросу ли о принудительном труде с его тенденцией воскресить формы крепостного рабства и т. д. — во всех этих случаях М. С. Ольминский просто и ясно дает такую трактовку этих вопросов, которая является достаточной, чтобы его читатели, то есть широкие слои рабочих, не стали жертвой буржуазного обмана ¹.

Февральская революция снова окрыляет силы нашего большевистского публициста и ставит его на страже идейных интересов ленинской партии. Снова в Питере воскресает большевистская «Правда», создается в Москве газета «Социал-демократ». М. С. Ольминский, конечно, первый завсегда в этих газетах, и его неутомимое перо оставляет свой след почти в каждом очередном номере этих газет (за 1917 год им помещено свыше 130 газетных статей и заметок, составивших впоследствии содержание довольно объемистого сборника) ². Даже при беглом просмотре этих статей они дают представление об эволюции революционной тактики большевиков от Февраля до Октября 1917 года в связи с нарастанием революционной ситуации в стране.

События быстро зреют. Когда система двоевластия надоела правительству Милюковых и она все настойчивее и настойчивее требует «слияния» двух правительств, то есть, иначе говоря, поглощения Временным правительством советов, М. С. противопоставляет этому лозунгу другой лозунг: переход всей полноты власти в руки Совета рабочих и солдатских депутатов или органа, созданного Всероссийским съездом советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Когда представители мелкой буржуазии (социал-демократы, плехановцы, меньшевики, эсеры и др.) начинают обнаруживать большую склонность к получению в буржуазном правительстве министерских портфелей, Ольминский торопится предупредить, что «вступление в министерство представителей от рабочих и солдат является грубой ошибкой» (от 20/V,

¹ Статьи эти изданы Свердловским университетом под названием «1915—1916 гг.» (Москва, 1926).

² М. О л ь м и н с к и й, 1917 г., изд. коммунистического университета им. Свердлова, Москва, 1926.